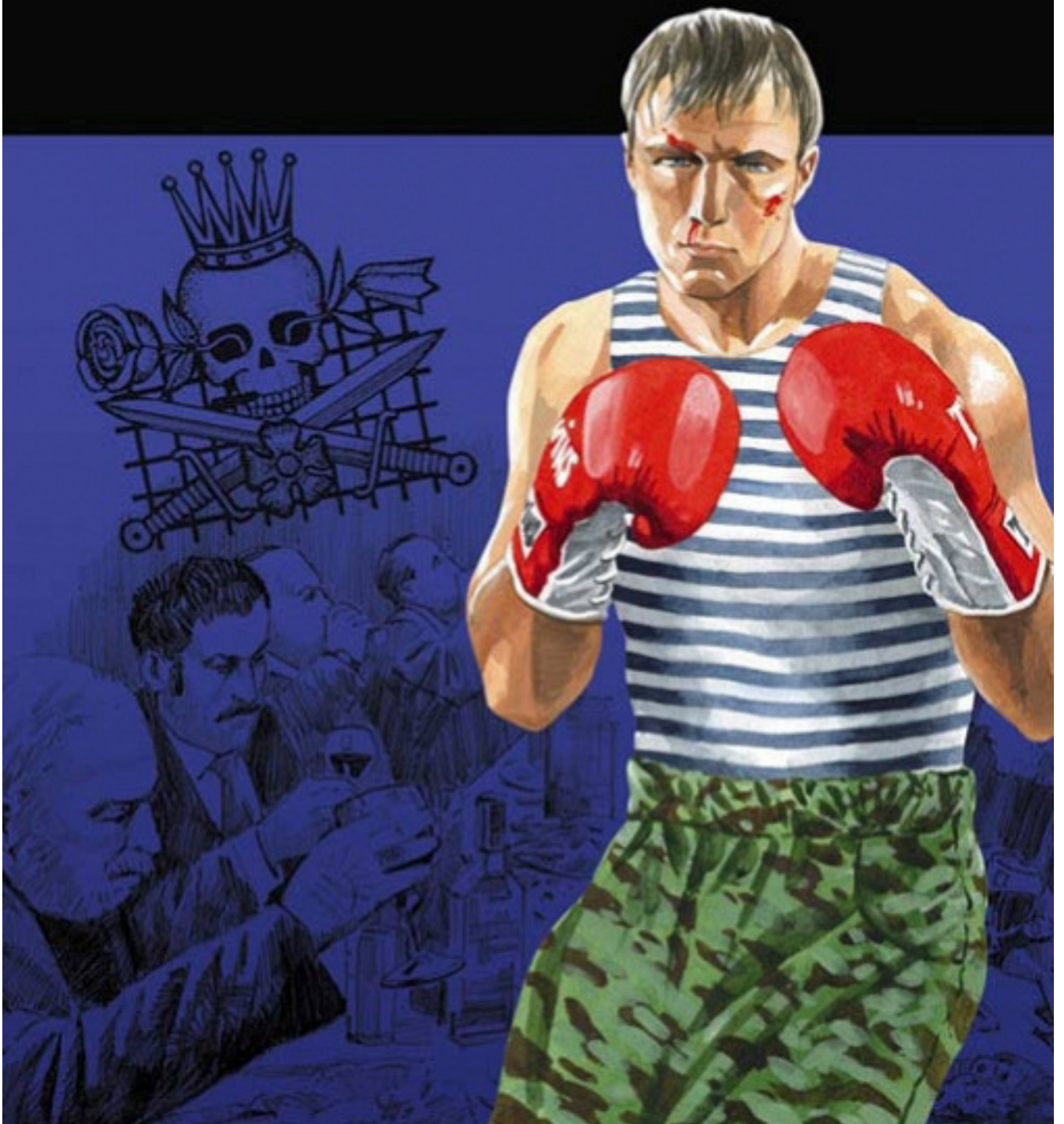
А. БУШКОВ

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСЕЙ КАРТАШ

СХОДНЯК



Александр Александрович Бушков

Сходняк

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Алексей Карташ», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118606
Сходняк: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2013
ISBN 978-5-373-03879-9

Аннотация

С чувством выполненного долга герои известного экранизированного бестселлера Александра Бушкова про платину возвращаются в Сибирь. Здесь их ждет новое испытание: воровской сходняк Шантарска и ФСБ никак не могут поделить власть в городе. Герои оказываются в эпицентре столкновения могущественных сил, для которых жизнь троих людей – не более чем разменная монета в большой игре.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Александр Бушков
Сходняк

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Сходняк», принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© А. А. Бушков, 2005
© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

*** * ***

Действующие лица вымышлены. Всякое сходство их с реально существующими людьми – не более чем случайное совпадение.
Автор

Почти нет таких поступков, признаваемых людьми преступлением и грехом, которые государство не совершало бы когда-нибудь, утверждая за собой право их совершать.
Б. А. Кистяковский, «Государство и личность»

Глава 1
Гостиница тюремного типа

Четырнадцатое сентября 200 года,*
16:52.

…На первый взгляд это был обыкновенный гостиничный номер – одноместный, не из дешевых. Не президентского класса, конечно, однако далеко и не те апартаменты, кои несчастному командировочному в каком-нибудь провинциальном «Доме колхозника» приходится делить на равных правах с клопами, тараканами, ржавой водой из крана и серыми простынями на безбожно скрипучей кровати, продавленной телами многочисленных предшественников.

Здесь все было чистенько, уютненько и пристойненько. Комната метров тридцать квадратных, в алькове – накрытый цветастым покрывалом сексодром, прикроватная тумбочка с трогательной вазочкой, в которой алеет одинокий тюльпанчик – настоящий, не пластмассовый, ковролин, телевизор «Эриссон» вещает приглушенно что-то там об увлекательной жизни обитателей морей-океанов, ослепительно белая ванна, а не какое-нибудь желтое корыто со скворчащим душем, даже мини-бар имеет место – предлагая откушать напитков всевозможных градусности и сладкости. Нормальный, одним словом, гостиничный номер, совсем как в иных отелях, стремящихся к европейскому уровню… ежели не считать некоторых мелочей, поначалу в глаза и не бросающихся.

Во-первых, обязательный для таких номеров телефон отсутствовал. Во-вторых, отсутствовала и ручка с внутренней стороны двери – да и не только ручка, но и замочная скважина. Дверь представляла собой идеально гладкую дээспэшную плиту, без выпуклостей, отверстий и всяческих узоров, пригнанную к косяку столь плотно, что лезвие ножа не просунешь. И Алексей, сам не зная почему, голову готов был прозакладывать, что ДСП – это лишь отделка, внешнее покрытие, бутафория, и что на самом деле такую дверь не прошибешь и из гранатомета. Во-вторых, аналогичная ситуация была и с окном – огромным, почти, во всю стену, идеально чистым, с видом на таежные сопки… Вот только, опять же, ни шпингалетов, ни ручек на нем не наблюдалось, и как его открыть, было напрочь непонятно. Более того: легонько постучав по окну пальцем, Алексей обнаружил еще две странности: на стук оно отзывалось отнюдь не привычным стеклянным звуком – казалось, что стучишь по листу пластика; и потом, стекло это вибрировало. Мелко, часто, бесшумно и почти незаметно, однако ж – *вибрировало*. В-третьих: под самым потолком в углу над дверью в номер помещалась некая черная коробочка с мигающим красным огоньком, наводящая на мысль не столько о пожарной сигнализации или о датчике движения, сколько о миниатюрной телекамере – особливо если учесть, что оттуда, из-под потолка, вся комната просматривалась как на ладони. Из чего следовал вполне логичный вывод: помимо всего прочего, номер и «жучками» нашпигован не хуже, чем клопами те же самые апартаментики «Дома колхозника».

А так, если на все эти странности внимания не обращать, то жить можно было вполне – если вспомнить те камеры-одиночки, где они провели последние две недели…

– Как хорошо, что все мы здесь сегодня собрались… – пробормотал Алексей, скрутил голову неприлично крошечной бутылочке «Смирновской» из мини-бара, винтом влил себе в рот, зажевал яблочком из вазы на столе, показал средний палец телекамере и завалился поперек сексодрома.

– Фу, мон ами, – глядя в окно, поморщилась Маша, – где ваши манеры?

– Примерно там же, – беспечно ответствовал Алексей, хрустя яблоком, – где манеры наших весьма гостеприимных хозяев… Насколько я помню, задерживать подозреваемых без

предъявления обвинения разрешено не более чем на семьдесят два часа. А мы тут торчим уже… Сколько мы тут уже торчим, кстати?

– Двенадцать дней. С копейками, – хмуро сказал Гриневский. – Но я оч-чень не уверен, что мы находимся в гостях многоуважаемых слуг МВД с их семьюдесятью двумя часами.

– Ну, это к бабке не ходи, – махнул рукой Алексей. – Ясное дело, что это не менты… И это хорошо. Однако ж, что еще больше хорошо, это не бандиты и не друзья нашего покойного уголовного друга Пугача. Согласны?

Вопрос был чисто риторическим, и никто на него не ответил. По тому, как в Ашхабаде молчаливые и сосредоточенные люди в штатском аккуратно и бесшумно погрузили их, минуя все и всяческие таможенные и паспортные контроли, на борт самолета (всецело транспортного снаружи, а изнутри оборудованного исключительно под пассажирские перевозки) и за каких-то три часа курсом на северо-восток переправили куда-то обратно, в места до икоты знакомые – таежные; по оборудованию недавно покинутых камер-одиночек и этой, с позволения сказать, «гостиницы» – по одним этим вводным уже можно было сделать вывод, что оказались они в гостях у одной из *контор*. Которой именно из в изобилии расплодившихся за последнее время – понять с ходу было трудно, но тот факт, что организация сия является насквозь государственной и достаточно могущественной, сомнению не подлежал.

Без малого две недели с момента принудительной переправки в таежные места они провели раздельно, как уже говорилось, – в одиночных камерах и абсолютно одинаковых условиях; и это выяснилось только теперь, когда всех троих наконец-таки собрали вместе в этом гостиничном номере и они смогли обсудить пережитое.

Там, в камерах, их не допрашивали, не били, не пытали, не кололи всяческими сыворотками правды. Напротив: камеры были хоть и крохотными, но опрятными, с пружинной кроватью, прикроватным столиком и чистым сортиром в закутке, да и кормили исправно и весьма сносно – не хуже, по крайней мере, чем в иных офицерских столовых.

Однако – это были несомненно камеры.

А с другой стороны – не допрашивали и не били.

И вот это последнее пугало больше всего.

Раз в сутки, по утрам после завтрака, появлялась молчаливая невзрачная барышня в серой форме без знаков различия, с папочкой в холеной руке, и равнодушно предлагала письменно рассказать все, что с ними произошло с момента бунта на зоне под Пармой, – как можно детальнее и подробнее. Каждый день после завтрака, блин, появлялась и предлагала. Каждый день! Причем, что раздражало больше всего, всякий раз принадлежности для письма оказывались разными – сегодня, скажем, это был остро отточенный карандаш и стопка писчей бумаги, завтра – дорогой блокнот и китайский «паркер», послезавтра – синий фломастер и лист ватмана калибра А2… и ни разу сии принадлежности не повторялись. А описывать приходилось одно и то же. Каждый раз одно и то же. Ну не издевательство ли?!.

На пятый день заточения Карташ взбунтовался. В ответ на бесстрастную просьбу приступить к очередным мемуарам он аккуратнейшим образом отодвинул в сторону одноразовую шариковую ручку «Bic» и бледно-зеленую, советскую еще тетрадку в клеточку с изображением товарища Пушкина на обложке, скрестил руки на груди и ласково сообщил, что отказывается заниматься всяческой ерундой до тех самых пор, пока ему не предоставят официального обвинения, а также свидания с товарищами по оному обвинению… или хотя бы сведений об их, товарищах, судьбе. На это барышня пожала плечами, молча забрала ручку и тетрадку и вышла из камеры.

А некоторое время спустя Карташ обнаружил, что сортир заперт, причем вроде как изнутри. Алексей крепился часика три, отказался от обеда… потом не выдержал и, скрипя зубами от бессилия и унижения, напустил лужу в углу у двери.

Что ничего не изменило – кроме, разумеется, камерной атмосферы. Как говорится: а запах!.. Ужин барышня принесла вовремя, на этот раз, правда, в сопровождении команды поддержки – группы немногословных шкафов в камуфляже, кои достаточно вежливо, но настойчиво воспрепятствовали Карташу размазать ужин по барышневой мордашке. В результате ужин оказался на полу, а Карташ в патовой ситуации: ни пожрать, ни пос…ть. И, что характерно, – никаких репрессий за этим не последовало. Ему ясно дали понять: не хочешь изливать правду в отчетах – не надо. Но и ничего большего изливать из себя не смей. Равно как и извергать.

И это уже не настораживало. Это уже не пугало.

Это просто бесило.

На следующее утро Алексей сдался и беспрекословно принялся в очередной раз расписывать их приключения (перьевой ручкой на криво выдранных листах из детского альбома для рисования). Пока безмолвные хлопцы деловито подтирали лужу, а невзрачная коза в сером расставляла перед ним завтрак (два горячих бутерброда с ветчиной, сыром и майонезом, чашка растворимого кофе, взбитые сливки с джемом), он сосредоточенно грыз колпачок ручки и раздумывал над содержанием очередного отчета. А в чем еще можно отчитываться-то – в черте какой раз подряд?!

В том, как Алексей Карташ, Петр Гриневский по кличке Таксист и Маша Топтунова оказались владельцами двух ящиков платины, добытой самым что ни на есть незаконнейшим образом, – ящиков, на которые положили глаз ФСБ и уркаганы во главе с авторитетом Пугачом? Как Алексей, Маша и Гриневский увезли эту платину в Туркмению, чтобы перепродать ее и на вырученные бабки умотать в теплые края? В том, как вместо этого невольно оказались замешанными в возню вокруг покушения на Ниязова – и, что характерно, спаслитаки бессменного президента Туркменистана? И все это – только для того, чтобы в результате очутиться в застенках непонятно чьего гестапо?! Так всю их одиссею он уже описывал, четырежды!..

Но больше всего Карташа нервировала неопределенность. Где они, в чьих лапах оказались, что с Машей и Таксистом и, в конце концов, что их всех ждет?..

Что их всех ждет выяснилось чуть менее чем через две недели, когда всех троих наконец-таки собрали вместе – в месте, которое один в один напоминало бы гостиничный номер, ежели б не несколько мелочей вроде отсутствия ручки на двери…

В телевизоре в это время тупоглазая белая акула с остервенением терзала кусок мяса, источающего облачка розовой крови. Вокруг меланхолично плавали аквалангисты и фотографировали акулу с разных ракурсов. На память, должно быть.

– Раз, раз, раз, проверка, как слышите, товарищ майор? – громко сказал Алексей и подмигнул телекамере в углу над дверью. Повернулся к своим и уже серьезно спросил: – Итак, господа аферисты, ваши соображения по поводу?

– Полагаю, следствие по нашему делу закончено, – подал голос Таксист, развалясь в кресле перед телевизором. – Уж коли мы здесь вместе, да еще и в *одноместном* номере, стало быть, *они* уже проверили все наши отчеты и сделали оргвыводы… И очень скоро огласят приговор.

– Расстрелять в ближайшем подвале и похоронить в общей могиле, – кивнул Алексей.

– А что, запросто, – спокойно сказал Гриневский. – Пулю в затылок можно схлопотать и за меньшее… Стойте-ка…

Он дотянулся до пульта, сделал телевизор погромче.

Дикая природа уступила место смазливой дикторше из «Вестей», которая тараторила бодренько:

– …вооруженных столкновений между бандитскими группировками, имевших место в других районах Шантарска и также повлекших за собой человеческие жертвы. Как сообщила нашему корреспонденту Дарья Шевчук, старший…

– Беспредел, – сказал Гриневский. – Опять одно и то же, – и переключил канал. По другой программе хулиганский кот Том азартно гонял по дому мышь по имени Джерри, круша все на своем пути. Простая бытовуха, одним словом. Гриневский убавил звук.

– А Ниязов? – тихо спросила Маша. – Ведь если б не мы, он бы уже давно того… беседовал со своим Аллахом. А *наш* с Туркменбаши, насколько я понимаю, пока дружит… Это нам никак не засчитывается?

– Вот как раз за это можно словить не одну «маслину» в затылок, а парочку – чтоб уж наверняка… – вздохнул Таксист.

– Эт-точно, – сказал Карташ. – Мы, душа моя, как это ни унизительно звучит, оказались пешками в каких-то политических игрищах, нас успешно разыграли – и теперь можно смело убрать с доски. Потому как интереса мы боле ни для одной сторон не представляем, зато можем ляпнуть что-нибудь не то кому-нибудь не тому…

– …Удивительно верно подмечено, – раздалось со стороны двери. – А кроме того, уже официально объявлено, что спасение Ниязова есть целиком и полностью заслуга туркменского Комитета Национальной безопасности, и никакие *посторонние* личности в операции участия не принимали.

Они обернулись.

В какой момент – непонятно, но входная дверь уже была открыта, причем совершенно бесшумно. А на пороге, прислонившись к косяку, стоял высоченный престарелый дядька и с брезгливо-заинтересованным видом, как обычно смотрят на различных гадов, копошащихся в террариуме, разглядывал троицу. Дядька был громаден, белокур и голубоглаз, как викинг, и чем-то неуловимо напоминал убитого на прииске фээсбэшника Гену. И несмотря на то, что облачен он был в безупречно вычищенную и отглаженную серую цивильную пару, чувствовалась, ну вот чувствовалась в нем белая офицерская кость. Генеральская как минимум. И Карташ с Таксистом непроизвольно вскочили чуть ли не во фрунт. Алексей почувствовал неприятный холодок под ложечкой: это явственно был не простой опер или, скажем, следак из прокуратуры. Эта была рыбка покрупнее. Белая акула, не меньше, совсем как давешняя из телевизора, но, в отличие от той, со взглядом умным и пронизывающем насквозь, от которого не то что мороз по коже, а возникает прямо-таки непреодолимое желание свернуться калачиком и накрыться одеялом с головой.

– Стало быть, не было вас на площади Огуз-хана, не было – и все… – развел он руками.

– А вот и оглашение приговора… – пробормотал Гриневский.

Дядька шагнул в комнату, рывком отодвинул стул от стола, сел по-хозяйски, поддернув брюки, бросил на столешницу кожаную папку Сказал устало, ни на кого не глядя:

– Садитесь, соколы, садитесь, не в суде. Разговор у нас недолгий, но лучше мы будем беседовать сидя. Как свои. Барышня, миль пардон, но вы тоже извольте-ка присесть. Не люблю, понимаете ли, когда над душой стоят… Тем более дама.

Разместились. Карташ и Маша сели на постель, Гриневский опустился обратно в кресло перед телевизором. Маша взяла Алексея за руку, крепко сжала. Пальцы ее были холодными.

Меж тем викинг распахнул папку и вперился в верхний лист с таким вниманием, будто видел материалы впервые. Несколько секунд не происходило ничего, даже казалось, что слышно, как мелко дрожит оконное стекло. Все молчали.

Наконец дядька проговорил:

– Итак, что мы имеем? Алексей Карташ, тридцать три года, старший лейтенант внутренних войск, последнее место службы – исправительно-трудовое учреждение номер ***,

числится пропавшим без вести с двадцать седьмого июля сего года. Заключенный Петр Гриневский, тридцать шесть лет, погоняло Таксист, последнее место отсидки – все то же исправительнотрудовое учреждение номер ***, находится в розыске с двадцать седьмого июля сего года… и Мария Топтунова, дочь начальника исправительно-трудового учреждения опять же номер ***, числится пропавшей без вести с двадцать седьмого июля сего года… И – два ящика платины с нелегального прииска, кои означенные пропавшие тайком вывезли за пределы Российской Федерации, – он со злостью папку захлопнул, раздраженно отодвинул от себя и обвел присутствующих колючим взглядом водянистых глаз. – Ну что, графы монте-кристы, остапы бендеры хреновы, искатели золота инков, доигрались? – сквозь зубы спросил он. – Допрыгались, с-сучьи дети? Деньжат по-легкому срубить захотелось, да?!

– Простите, а с кем, собственно, имеем честь?.. – архивежливо поинтересовался Карташ.

– Не имеешь чести! – взорвался викинг. – Ни хера у тебя чести нет, сопляк!.. Ты хоть понимаешь, старлей, во что вы ввязались? Понимаешь, сколько статей и законов нарушили – международных законов, между прочим, твою мать?!.

– Что с отцом? – глухо спросила Маша.

– Мертв ваш отец, – сбавил обороты блондин. – Погиб. Еще вопросы?

– Про адвоката и два телефонных звонка, думаю, спрашивать не имеет смысла, – буркнул Карташ и был, ясное дело, проигнорирован.

Том в телевизоре перестал гоняться за мышонком, начались очередные новости.

– Вопросы есть, начальник, – подал голос Гриневский. – Где мы находимся?

Что с моей женой? Что с Дангатаром?.. Что с Джумагуль?

– А что ждет лично вас, тебя не интересует? – викинг неспешно выбрал из вазы грушу, фруктовым ножичком располовинил ее, сочно надкусил. – Потому как делов вы натворили выше крыши…

– Вот пугать только не надо, – перебила Маша, голос ее дрожал – то ли от злости, то ли от страха. – Если б не мы, до платины вы бы так и не добрались, а в Туркмении уже началась бы гражданская война!

– Действительно, начальник, – поморщился Гриневский, – давай-ка без этой лирики. Чего тебе от нас надо? Коли мы насквозь виноваты, то оформляй дело и вызывай конвой. А коли не торопишься, значит зачем-то мы нужны.

– А, жить хочется? Компромиссов ищете?

Белобрысый черт докушал грушу, вытер руки салфеткой.

– Что ж, хотите без лирики, будет вам без лирики… – согласился он, неторопливо выудил из папки чистый лист бумаги, положил перед собой. – Нуте-с, что мы имеем на одной, так сказать, чаше весов? Вооруженное нападение, кража госимущества, незаявление о преступлении, несколько убийств, использование летательного аппарата без лицензии и прочих соответствующих документов, незаконное проникновение на территорию иностранного государства, недонесение о готовящемся преступлении, плюс еще куча подобных *мелочей* – за такие дела, знаете ли… Бонни и Клайд, короче, повесились бы от зависти. А нашенские, продолжая аналогию, *коллеги* ихних фэбээровцев и прочих копов сейчас прямо-таки слюной исходят от желания вцепиться вам в глотки… И я, со своей стороны, не вижу никаких оснований для того, чтобы им в этом желании воспрепятствовать, – я свою работу выполнил, вас нашел и доставил обратно, теперь пусть другие разбираются. В общем, – он вздохнул, – приключение закончилось, товарищи авантюристы. Завтра, если все будет хорошо, вы, должным образом упакованные, отправитесь прямиком в ласковые объятия товарища Бортко. Слыхали о таком? И нехай он сам решает, подрасстрельные к нему в медвежьи лапки попались преступнички или всего лишь пожизненные. Потому как мне вы, признаться, уже порядком надоели…

Повисла тяжелая пауза.

– А если завтра не все будет хорошо? – наконец спросил Гриневский.

– И, кстати, что у нас лежит на второй чаше весов? – добавил Карташ.

– На второй… – усмехнулся викинг, перевернул чистый лист другой, не менее чистой стороной и внимательно на него посмотрел. А потом сказал голосом оракула: – Зрю я! Воистину, на второй чаше видится мне некоторая альтернатива. Для вас. Правда, туманненькая. Призрачная, я бы сказал… Арестованный Карташ, Алексей свет-Аркадьевич, был абсолютно прав: вы, ребята, оказались всего лишь пешками в игре больших дяденек. Пешками, скажу откровенно, продвинувшимися вперед весьма изрядно, однако, к сожалению для вас, до восьмой горизонтали так и не дошедшими… Ладно, гражданин Гриневский просил без лирики. Так что отвечаю на его вопросы. С Дангатаром Махмудовым, кличка Поджигай, порядок. После… известных событий Махмудова, насколько я в курсе, взяли в личную охрану президента Ниязова. По приказу самого Сапармурата. В чужом тайпе ему, конечно, придется несладко, но это поначалу – потом, с его-то способностями и связями, он, разумеется, отвоюет себе местечко. Что там еще вы хотели знать? Ах да. Мы находимся в пятидесяти километрах от Байкальска, в одном уютном местечке, не указанном ни на одной карте, на которой нет грифа «государственная тайна». Улавливаете? Такие дела… – он встал, резко отодвинув стул, подошел к окну. – Теперь что касается вашей троицы. И вот тут я весь полон сомнений. Вы для меня – сплошная головная боль… Как поет один излишне политизированный рок-хрипун: что же делать с платиной и с вами?.. Честно скажу: я бы с превеликим удовольствием отдал вас на растерзание эмвэдэшникам. Но, с другой стороны глядючи, без вашего участия – вольного или невольного – платина ушла бы так далеко, что и концов не найти, тут барышня абсолютно права. Что заставляет задуматься. А во-вторых… Во-вторых, президент Ниязов, ознакомившись с материалами следствия, лично просил Москву о снисхождении к трем идиотам, которые устроили заварушку на площади Огуз-хана в Ашхабаде. И в подтверждение просьбы…

Он вернулся к столу, достал из папки лист мелованной бумаги жутко официального вида, брезгливо толкнул через стол к Карташу.

«Указ Президента Туркменистана, – прочитал Алексей. – О награждении граждан России А. А. Карташа, П. И. Гриневского и М. А. Топтуновой орденом Президента Туркменистана „Garassyz Turkmenistana bolan beyik soygusi ucin“.

За особые заслуги перед нейтральным государством Туркменистан и его сплоченным народом наградить граждан России А. А. Карташа, П. И. Гриневского и М. А. Топтунову орденом Президента Туркменистана „Garassyz Turkmenistana bolan beyik soygusi ucin“.

Президент Туркменистана Сапармурат ТУРКМЕНБАШИ.

Подпись, дата».

И все.

Карташ перечитал еще раз. Помотал головой, передал листок остальным.

– Вот такая вот фигня, соколы вы мои орденоносные, – вздохнул викинг. – Ноу комментс, как говорится.

– И? – осторожно поинтересовался Гриневский.

Викинг уселся за стол, сцепил пальцы в замок.

– И предлагаю я вам послужить родине еще раз. Поставить точку в этом деле. Завтра в Москву я отправляю литерный поезд с этой долбаной платиной. Вы отправитесь с ним. Под конвоем. Сдадите ящики, и пусть в столице решают, как с вами быть. Но обещаю: то, что вы помогли моей *структуре*, вам зачтется. Будет официальное расследование, но ничего страшного, обычная бюрократия. Я замолвил за вас словечко… Ясно?

– Не очень, – медленно проговорила Маша. – То есть мы сами повезем платину?

– Ага. Вы ее нашли, отбили у уголовников, вы ее и доставите по назначению… По-моему, логично.

– А какие гарантии, что ваши московские *коллеги* не упекут нас по полной программе? – спросил Гриневский.

– Господь с вами, какие гарантии?! Никаких гарантий, кроме слова офицера. Покойный Гена Голованов выполнял мой приказ, операция по поиску рудника с самого начала была под моим контролем, стало быть, вы оказали услугу лично мне. А я умею быть благодарным. Максимум через две недели будете свободны, как ветер, включая гражданина Гриневского, с ксивами и даже кой-какими деньгами…

Карташ и Гриневский переглянулись.

– А что, у вас есть другие предложения? – ласково спросил викинг. – Могу вернуться к первому варианту и передать вас товарищу Бортко, раз плюнуть, только скажите…

– Не надо Бортко, – решил за всех Таксист. – Едем на паровозе, начальник.

– …и на период с двадцать первого по двадцать пятое сентября эти улицы будут закрыты для движения, – в наступившей тишине сказала очередная дикторша из телевизора. – Как нам стало известно, это связано с возобновившимися строительными работами на ветке метрополитена, которая должна соединить левый и правый берега Шантары…

Глава 2
Постой, паровоз…

Пятнадцатое сентября 200 года,*
10:13.

Существует ли в действительности река Потудай или это плод писательской фантазии? Вопрос из радиовикторины занимал сейчас Карташа более всего остального. Вопрос залетел в ухо, когда приемник ненадолго сделали чуть громче, и теперь река Потудай не давала уму покоя: в уме она выходила из берегов после многодневных ливневых дождей, разливалась в половодье, рыбколхозы добывали из нее бьющуюся в сетях рыбу, из ржавых труб в нее обрушивались вонючие химикалии, эту хитрую реку перегораживали плотинами, заставляя ее разливаться и затапливать деревни, и только шпили церквей торчали над Потудай…

Потому что, когда перестанешь думать о реке Потудай, тут же начнешь думать о делах наших скорбных. И тогда совсем закиснешь.

Таким ли он, Алексей Карташ, мыслил свое возвращение в родные пенаты – или, говоря понятнее, нах хаузе? Будем честны перед собой: Карташ вовсе и не мыслил себе никакого возвращения. Как-то не рисовала фантазия езду домой, а рисовала она все больше шик и блеск иноземных отелей, собственные бассейны на собственных виллах, купленные на честно украденную платину катера и яхты, «бентли» и «феррари», а также горнолыжные спуски в Доламитовых Альпах – утеху беззаботно веселящихся буржуев. Но вместо Доламитовых Альп и урчания «феррариевского» мотора придется, похоже, очень и очень долго хлебать баланду, нюхать кирзу и смотреть на небо сквозь решеточку. А из потенциального богатея придется переквалифицироваться в реальные нищие. Ну вот не верил он отчего-то белокурому викингу, ни на грош не верил, что тот замолвил за них словечко перед москвичами, – зачем ему? Уже и думать, небось, забыл о троих искателях приключений на собственные задницы, вертит дырку под орден. Но не поспоришь же с *конторой*…

Ладно, хоть несколько недель побыл миллионером. Или даже миллиардером? За всеми делами и заботами так и не перемножили они шестьсот тридцать девять у. е. (то есть стоимость одной унции платины), на вес драгметалла, который таскали за собой в зеленых армейских ящиках. Так до сих пор и неизвестно, чего лишились. А может, даже оно и к лучшему, что неизвестно?

Карташ вслушался в бормотание вертухайского приемника на волне «Шантарск 101.4 FM». Там как раз заглохли визги очередной попсятины и ведущий, вспомнив о викторине, стал принимать звонки радиослушателей. Но правильного ответа про Потудай никто пока не давал, приз оставался неразыгранным. Возможно, Карташу так и не суждено дождаться правильного ответа. Как он понимал, ехать им предстоит от силы несколько часов.

Вагон им под путешествие, против ожиданий, предоставили простой, безо всякой хитрой начинки вроде камер скрытого наружного наблюдения, вмонтированных в стены теплушки мониторов, спутниковых антенн и прочих удумок, коих вполне можно было ожидать от *ведомства*. Ничегошеньки даже отдаленно похожего не наблюдалось. Не считать же, право, хитрой начинкой решетчатую загородку для перевозимых заключенных, холодную сейчас печку-буржуйку, стол с лавками из грубых досок да слегка помятый контейнер в углу, где, как полагал Карташ, помещается нечто вроде биотуалета. Вот только убедиться в последнем не суждено – вряд ли поведут их на оправку, даже если очень приспичит. Прапорщик буркнет в ответ на просьбу что-нибудь вроде: «Не велено», «По прибытии», «А для чего вас перед отъездом водили?», – и беснуйся, тряси решетку, осыпай проклятьями: все бесполезно. Если и добьешься чего, так это успокоительного по почкам или усыпляющего реб-

ром ладони по шее. В чем можно не сомневаться, так это в том, что солдаты у белобрысого викинга выучены исполнять приказы начальства. И если начальством приказано: «Никуда не выпущать!», – то даже женскому полу скидок не последует.

Вот так и предстоит ехать из пункта «А» до столичного пункта «Б» трем неудачливым авантюристам с двумя ящиками платины, тремя караульными солдатами и одним прапорщиком. А со стороны глядя – например, выйдя из лесу или из окна придорожного строения, – в составе рядового товарного поезда катит по просторам преобычнейшая с виду теплушка. Посторонний глаз пройдется по ней, не задержится, тем более обе двери наглухо закрыты на щеколду, щеколда, небось, прикручена для пущей надежности снаружи проволокой, а то, не исключено, и вовсе замкнута на замок. И то ли товары в той теплушке везут, то ли скотину какую, то ли вовсе порожняк гонят – поди догадайся со стороны. По всем сопроводительным документам, полагал Карташ, вагон перегоняют порожним. Чтоб ни одна любопытная тварь вагончиком не заинтересовалась.

Сутки назад трех пленников завели в вагон, где уже стояли в углу, прижимаясь друг к другу деревянными боками, многострадальные ящики с платиной, уже подбитые деревянными колодками, чтобы вдруг не заходила-загуляла тяжесть по вагону. В этот судьбоносный момент сами собой придумались два афоризма: «Все мы вышли из теплушки – в теплушку же и войдем» и «Дважды не ступить в одну и ту же теплушку». Записывать их, равно как и произносить вслух, Карташ не стал.

Пленников – за что они, наверное, имеют все основания благодарить белокурую сволочь – не связали, ни к чему не приковали, ограничились наручниками. И вот с этих самых пор пленники уже не могли видеть, что происходит снаружи, зато слушать могли сколько влезет. Они слушали и слышали, как вагон взял на буксир маневровый локомотив, как громыхали, выпуская сцепку в штатский мир, металлические ворота затерянной в сопках секретной части. Потом некоторое время ехали в абсолютной тишине – не иначе, по лесу. А потом нахлынули шумы, свойственные любой железнодорожной станции: гудки, лязг и скрежет, грохот проносящихся составов, перебранки по громкой связи. Их вагон сразу же прицепили к какому-то попутному грузовому составу, и этот состав без малейшей задержки был отправлен по назначению. И шли они по сибирской железке хорошо, скоро, без длительных остановок. Карташ не мог со стопроцентной уверенностью утверждать, что караулом (или правильнее сказать – конвоем?) командует именно прапорщик, а не капитан или майор. По возрасту он мог быть даже полковником, правда, это ж как надо полковнику проштрафиться, чтобы его отправили со столь малопочетной миссией, как вертухайская! А что физиономия у старшего караула чересчур простецкая и хитрая, типично прапорщицкая… ну так и порученец викинга по фамилии Кацуба – вылитый учитель физкультуры из глухой провинции, а не боец невидимого фронта… Одет старший караула в камуфляж без знаков различия, который теоретически может носить хоть генералиссимус… Тогда почему же все-таки прапорщик? Потому что солдаты обращаются к своему командиру «старшина». А так в армии принято обращаться именно к прапорщикам, и ни к кому другому. Хотя, конечно, в *ведомстве* наверняка хитрят на каждом шагу, надо это или не надо, разводят необъяснимую таинственность на пустом месте. Полковника запросто выдадут за сержанта, а лейтенанта – за старшего лейтенанта. Да и сам викинг – поди разбери, кто он по званию на самом деле: то ли генерал, то ли полкаш…

Не в первый раз Карташ услышал тепловозный гудок. Чтобы занять мозги, как занимал речкой Потудай, Алексей прикинул расстояние до локомотива. Ну что тут можно сказать… разделяет их примерно вагонов восемь. Если состав стандартной длины, то их теплушка располагается аккурат в середине состава. «И что это тебе дает?», – сам себя спросил Карташ. И сам же себе ответил: «Да ни хрена не дает».

А на этот раз гудок вышел протяженнее прежних, словно машинист, с каждой секундой все более раздражаясь, настойчиво сгонял с рельсов неожиданную помеху – навроде выскочившего на путь и ошалевшего лося или бредущего по шпалам глуховатого грибника. И сие обстоятельство Карташа насторожило. Когда на пути внезапно оказываются глуховатые грибники, равно как и менее экзотические помехи, эт-то, знаете ли… Алексей сбросил ноги с лавки на пол.

«И чего тебе дергаться, – продолжил он разговор с самим собой, – тут есть кому дергаться акромя тебя – тому, кому зарплату за это платят. Вон Таксист, ни о чем не волнуется, уткнул харю в ладони и медитирует себе, вон Маша сидит, закрыв глаза, сложив руки на груди, слова не произнесла с самой посадки, – вот и ты сиди, бывший старлей Карташ, как примерный правильный зек, кем ты сейчас, собственно говоря, и являешься…»

Алексей кинул взгляд на прапорщика. Ага, тот тоже насторожился. Подобрался, скучающее выражение с рожи стерлось, из вяловато-простецкой рожа сделалась резкой, *очерченной*, в ней явственно прорезались волчьи черты. Если он и в самом деле прапор, то, ежу понятно, не из вороватой складской или продовольственной братии. Да и солдатики, судя по тому, как они уловили перемену в настроении командира и тоже подобрались, имеют за плечами неплохую выучку…

Гудок не умолкал. Даже Гриневский встрепенулся, оторвал лицо от ладоней, поднял голову, недоуменно взглянул на Карташа. А прапор выключил карманный приемник (как раз в тот момент выключил, когда ведущий сказал, что так и быть, вот вам правильный ответ про речку Потудай, раз слушатели все такие тупые)…

И тут гудок стих.

Снова ничто не мешало слушать перестук колес, снова поезд летел на северо-восток, и машинист не видел причин оглашать окрестности воплями паровозного ревуна. Видимо, грибники вернулись в леса, а коровы убрались с путей на пастбища – короче, все, кажись, нормализовалось. Тревога должна отпустить, тем паче, что Карташ увидел, как успокоился старший караула. Но вместо этого Алексей отчего-то испытал еще большую тревогу. Чутье не желало успокаиваться, чутье прямо-таки вопило об опасности, словно унюхало ее сквозь вагонные доски. И, похоже, только он один о чем-то беспокоился.

Рука старшего караула уже потянулась к приемнику, чтобы восстановить звучание радиостанции «Шантарск 101.4 FM»: почему бы, собственно, не позволить солдатикам маленькую вольность – музыку послушать? Чем навредит?

А тревога, блин, не оставляла. М-да, непонятка… Все-таки что-то до крайности неправильное было в этой истории с гудком… вот только что? И более чем неправильное – *опасное*. Однако что, скажите на милость, в своем нынешнем положении он может сделать? Разве что поделиться опасениями со старшим караула? Ага, конечно, так он и станет тебя слушать…

– Эй! – все ж таки позвал Алексей. – Охрана…

– Отставить беседы! – заученно рявкнул прапор. – Не то…

Карташа швырнуло спиной на стену, приложило затылком о доски. Оглушительным скрежетом заложило уши. Алексей, валясь со скамьи на пол, взглядом сумел ухватить и *сфотить*, как летит с лавки, раскинув руки, один из солдатиков, как, сбитый солдатиком, с лавки грохается об пол «калашник» и катится по полу термос, из горлышка которого плещет чай, как прапор, умело падая на бок, успевает схватиться за ножку стола, чтоб не впечатало в стену… Что-то долго и омерзительно трещало над головой, будто гнут на излом толстую прочную доску и все никак не могут сломать…

Началось, твою маму…

Какое-то время после резкого торможения состав продолжал двигаться по инерции. Алексей, оказавшись на полу, перевернулся на спину, вытянул руки и вцепился в лавку,

наручники больно врезались в запястья. В глазах после удара затылком об стену плавали радужные круги, накатила волна тошноты. И эта дурнота помешала ему сразу разглядеть, что за темный, огромный предмет несется сквозь вагон в их сторону. Хотя какое, к черту, помешало – ящик это с платиной сорвало с креплений…

Пусть и готовили вагон к отправке в серьезном ведомстве, но занимались этим все те же срочники – лишнюю колодку лень поставить, лишний гвоздь лень прибить: дескать, чего стараться, куда оно денется, доедет как милая, не на американских же горках граждане будут кататься! А вот что вышло – вышло, пожалуй, покруче тех горок. И тяжеленный ящик отправился в свободное скольжение. Во фристайл!..

Потом поезд окончательно встал. Последним толчком руки Карташа все-таки оторвало от лавки, и напоследок старшего лейтенанта еще разок хорошенько вмазало в стену вагона. Этой же последней, агонической судорогой состава платиновый ящик бросило на решетку, огораживающую арестантский закуток.

При этом две мысли одновременно вспыхнули в мозгу Карташа: «Ящик разлетится в щепы» и «Вдруг им вышибет решетку». Сразу представилось, как рассыпается платина, как по вагону катятся маленькие тускло-серые комки, столь мало напоминающие классическое сокровище… Однако гребаный ящик выдержал испытание решеткой, хрустнул, вздрогнул и не развалился. Все ж таки умеют еще делать для армии.

Решетка тоже устояла.

И наступило затишье. В результате всех этих передряг вагон слегка накренило – видимо, передняя колесная пара соскочила с рельсов. Кто-то может сказать: «Ну и плевать, могло быть значительно хуже, еще легко отделались». Однако у старлея Карташа на этот счет имелось особое мнение, и заключалось оно в следующем: отделались ровно тем, чем и должны были отделаться – по замыслу неких теоретиков. Вот разве что сорвавшийся и загулявший сам по себе платиновый ящик в планы теоретиков входить никак не мог.

Карташ поднялся с пола, ощущая в голове гудение, какое бывает наутро после вчерашнего, оглядел теплушку, а в первую очередь посмотрел, как там Маша. Машка сидела на полу, живая и невредимая… И хохотала. Ясный хрен: бабья истерика, что ж еще…

Прапорщик же, стоя на широко расставленных ногах и в правой руке сжимая «макаров», левой выдирал из бокового кармана камуфляжной куртки рацию. Солдаты поднимались, подбирали оружие, потирали ушибленные места. Шмякнулся об пол карманный приемник товарища прапорщика. Невезение электроники на глазах Карташа усугубил солдатский сапог, со смачным хрустом додавивший вещицу. Поди, на роду написано не узнать Карташу сегодня про Потудай…

– Ну и что это было, начальник? – подошел, прихрамывая, Гриневский.

– По-моему, Таксист, нас сейчас будут грабить. Как в лучших традициях фильмов про ковбоев и почтовые дилижансы, – сказал Карташ. – Хотя, конечно, я – человек, а значит, могу и ошибаться.

Все еще могло оказаться случайным совпадением. Но Алексею история виделась так: машинист углядел на путях каких-то людей, тут же дал предупредительный гудок, а поскольку люди на сигнал не реагировали, гудок затянулся надолго. Видимо, некие постановщики сознательно обращали внимание машиниста на определенное место, чтобы тот был готов к экстренному торможению. В планы неизвестных тактиков никак не входила серьезная катастрофа – ведь при слишком резком торможении поезд мог капитально сойти с рельсов, вагоны могли перевернуться, скатиться по насыпи, а цистерны с горюче-смазочными веществами при этом еще и имеют обыкновение взрываться. Заложенный заряд разметал рельсы по пути следования поезда, машинист вовремя затормозил, остановился аккурат перед поврежденным участкам. Зачем, спрашивается, нужны такие сложности? Да так для того нужны, чтобы притаившиеся в засаде хлопцы смогли бы из засады выскочить и

быстренько добраться до цели. И крайне сомнительно, что охота затеяна на иную дичь, что среди вагонов товарного поезда имеется более лакомый кусок, чем два ящика с платиной…

Глава 3
Там, где течет Потудай

Пятнадцатое сентября 200 года,*
15:26.

Похоже, точно так же полагал и старший караула. Сейчас он, втопив кнопку на рации, сыпал в эфир кодовыми фразами: «Ситуация семнадцать бис! Повторяю: ситуация семнадцать бис! „Акрил“ просит салют, повторяю, „Акрил“ просит салют!»

– Эй, начальник! – заорал Гриневский. – Открывай, на хрен! Хочешь, чтоб нас здесь как курей почикали?

На призывы Таксиста прапор внимания не обратил. «И не обратит, – понял Алексей. – Он-то уверен, что это наши дружки нагрянули…»

Закончив с рацией, прапор уже отдавал распоряжения подчиненным:

– Любая попытка сдвинуть дверь считается нападением! Огонь открывать без предупреждения, бить на поражение!..

Пока, правда, было тихо. Никто двери не отодвигал, подозрительных звуков снаружи не доносилось.

Старший караула наверняка знал, как можно изнутри открыть дверь теплушки, которая вроде бы наглухо заперта снаружи, – ясно, что такая возможность предусмотрена на всякий пожарный случай (в том числе и на случай пожара реального). Типа, под дверную щеколду заложен заряд, который приводится в действие радиосигналом и который снесет запор к чертовой матери, назрей в том необходимость. Но делать этого прапор, разумеется, не станет – зачем самим открывать доступ противнику и подставляться под выстрелы? Гораздо разумнее в создавшемся положении выжидать до последнего момента…

А Гриневский никак не желал мириться с положением:

– Открывай, начальник! Слышь, старшой, швырни хотя бы ключи от браслетов!..

Карташ подсел к Маше – та уже справилась с истерикой, пришла в себя.

– Похоже, влипли, – сказал Алексей.

– Похоже, с нами по-другому и не бывает, – она нервно хохотнула.

– Булавка есть?

– Хочешь наручники снять?

– Попробую.

Если бравые казаки-разбойники в курсе того, на чей караул нарвались, и, стало быть, врубаются, какой отпор им дадут, то нас заваруха ждет серьезная. Или все-таки случайности в этом мире существуют и с составом действительно приключилась заурядная железнодорожная неприятность?..

– Булавки нет, есть иголка.

– Давай.

Послышалось ему, как шуршит щебень под чьими-то ногами или показалось? Впрочем, если и шуршит, то это может быть кто-то из тепловозной бригады, бегущий вдоль состава. Алексей обернулся, чтобы посмотреть на реакцию старшего караула…

И в этот самый момент случилось.

Нет, дверь теплушки не отъехала в сторону и не разлетелась в щепы. Дверь вздрогнула, будто в нее шарахнули тараном, донеслись приглушенные, похожие на петардные, разрывы, и в обрамлении белого дыма внутрь вагона ввалился квадратный кусок двери. «Кумулятивные заряды малой мощности, – отстучало у Карташа в мозгу. – Скорее всего, пластит. И как аккуратненько сработали, уроды…»

– Огонь!!! – это заорал прапорщик, вскидывая «макаров»…

Черт его знает, почему Алексей закрыл глаза за мгновение до первой вспышки. Не иначе, в очередной раз сработало чутье.

Не раз Карташ пытался уяснить для себя, что есть на самом деле это пресловутое чутье. Возможности разума ограничены. За считанные мгновения рассудок не в состоянии адекватно оценить ситуацию, не в состоянии просчитать огромное количество вариантов и выбрать единственно верный… Но успевает интуиция. Это потом, задним числом понимаешь, почему вдруг рефлексы сработали именно так, а не иначе. Вот, например, сейчас. Скрупулезнейше спланированная, тщательно выверенная операция, о чем нетрудно догадаться по ее началу, где нападавшая сторона вряд ли испытывает недостаток в техническом оснащении и явно имеет представление о приеме, который их ожидает в вагоне, – о приеме, который грозит перерасти в непредсказуемый, затяжной бой. И как в таком случае действовать нападающей стороне, чтобы самим избежать потерь и не застрять у вагона до тех пор, пока к обороняющимся не подоспеет подмога? Газ или шоковые гранаты. Вот такой просчет мог сделать бы разум, будь у него время. Но времени не было, и разум бездействовал, передоверив работу интуиции. И этот чертов биокомпьютер справился. Да надо каждый день хвалу возносить этому дару, совмещающему дарованные природой возможности и память ушедших предков, холить его и лелеять! Нужно только научиться его включать, или, вернее сказать, научиться не препятствовать его включению – и нюх вытащит из любых передряг…

Короче, повинуясь безотчетному порыву, Карташ зажмурил глаза – за мгновение до того, как в вагон залетела первая световая граната.

Впервые в жизни Алексей испытал на себе поражающее воздействие шоковых гранат, хотя испытал и не в полной мере.

Однако вполне хватило и того, что он *хватанул*. Даже сквозь сомкнутые веки обожгла глаза невыносимой яркости вспышка, просочилась-таки сквозь тонкую кожу век, достав, казалось, до самого мозга. А что ж тогда творилось с остальными, которые глаза не прикрыли! И если еще учесть, что полыхнуло в сумрачном помещении…

Ничуть не играя, Алексей завалился на пол, ошарашенный, на миг потерявший контроль над собой, как бывает с боксерами, которые пропускают сильный акцентированный удар. Но все же Алексей не потерял сознания… думается, в отличие от всех остальных, кто был в вагоне. И падая, подумал, что было бы совсем здорово, если б он вовремя повернулся к вспышке спиной. Но нельзя же требовать от чутья столь многого…

Едва коснувшись пола, он услышал топот ног по доскам настила. Команд типа: «Бери того, хватай этого, заходи, обыскивай», – слышно не было, нападавшие действовали молча, видимо, знали, что и как им делать, видимо, были хорошо проинструктированы.

Зазвенели ключи, щелкнул отпираемый замок решетчатой загородки. Алексей осторожно, самую малость приоткрыл глаза и увидел фигуры все в том же камуфляже, натянутые на лица шерстяные маски с прорезями для глаз. По вагону шарились примерно с десяток бойцов, вооруженных главным образом короткоствольными автоматами. Некоторые из них сейчас склонились над распростертыми караульными. Алексей вновь закрыл глаза, потому что все равно уже ничего не мог разобрать из-за ручьями хлынувших слез.

До поры до времени Карташ почел за лучшее притвориться бревном. В случае чего, то есть возникни действительно серьезная надобность в *действии*, эффект внезапности останется за ним. Хотя, конечно, дергаться надо, если только уж совсем припечет. Потому как безоружным, с обраслеченными руками переть на взвод откормленных, несомненно подготовленных бойцов – это даже не авантюра, это уже из серии голой пяткой против сабли или польского варианта «конница против танков»…

Рядом заскрипели доски, Карташ опять приоткрыл глаза и увидел совсем близко от себя высокие шнурованные ботинки. Напрягся. Хотели бы их уничтожить любой ценой, не

возились бы с шоковыми гранатами, забросали бы простыми. Но кто их разберет, этих незваных граждан. Может, им как раз позарез необходимо горла жертвам перерезать, может, господами налетчиками задумана инсценировка, для которой нужны лишь определенным образом убиенные жмуры. Если раздастся характерный звук, с которым нож выходит из ножен, подсечь ближайшего, вырвать автомат, ну и… и, по крайней мере, постараться захватить с собой в Валгаллу побольше врагов.

Убивать не стали. Карташа рывком подняли, усадили, придерживая, надели на голову плотный полотняный мешок, слегка припахивающий табаком. Стянули горловину шнуром. «Мешок – это хорошо, – подумал Карташ. – Мешок – это значит куда-то повезут, мешок – это не для того, чтобы выволочь из вагона и расстрелять».

И Алексей оказался прав. Из вагона выволокли, но не расстреляли – заместо расстрела погрузили в грузовик. Карташ продолжал прикидываться беспомощным, поэтому его именно что погрузили: одни подняли, другие приняли и втащили наверх, ухватив за шкирятник, волоком протащили по доскам кузова и оставили лежать на груде ветоши переднего борта. Судя по размерам кузова и по мощному тарахтению движка, Карташ оказался в армейском «бэмсе» или в чем-то аналогичном. А совсем рядом тарахтел еще один грузовик.

Карташ вдруг услышал голос Гриневского – Таксист, очухавшись и обнаружив на голове мешок, видимо, взвился, задергался в чужих захватах. Уперся, не давая себя тащить. И почем зря поливал пленителей:

– Суки! Козлы вонючие, пидеры гнойные! Петушня долбаная!

– Лягается, гад!

За частоколом этих криков Карташу удалось расслышать чеканную команду:

– Укол ему. Быстро.

И спустя несколько мгновений крики Таксиста стихли. Эти незванно нагрянувшие ребятки явно не намерены были добиваться своего уговорами да ласками, а также попусту терять время. Да и подготовились к операции они основательно, что невольно вызывало уважение к *организации*, кою они представляли, будь то истинные хозяева прииска, оргпреступность, конкуренты викинга али еще какая сила. Но всяко это не коллеги перекинувшегося Пугача: не та, понимаете ли, высота полета у «уголков», не тот «эшелон», как говорят летчики, – ну не стали бы «угловые» кумулятив применять и спецукольчики делать… Хотя, по нынешнем-то временам, всяко бывает…

А потом Карташ вновь услышал все тот же голос, что допрежь давал команду на укол. Сейчас этот голос *увещевал*. И нетрудно было догадаться, кого именно. Не своих же подчиненных, не караульных же. Ха, стал бы он тратить на них время! Значит, пришла в себя и Машка. Ага! Подтверждением тому стал Машин голос. Правда, из ее слов Карташ разобрал всего пару-тройку, малоинформативных, зато выразительных, кои, как считается, барышням употреблять вроде бы не положено. Диалог, состоявшийся между неизвестным атаманом налетчиков и Машей, можно было угадать без большого мыслительного труда. Удовлетворенное: «Вижу, очухалась, девочка. Лежи тихо, и все обойдется». В ответ – нечто яростное: кое-что по поводу сексуальной жизни атамановой матушки с престарелыми четвероногими представителями семейства псовых обоего пола. Преспокойно-вежливое возражение: «Тоже желаете несколько „кубиков“ успокоительного?» И тэ дэ, и тэ пэ… В конце концов Машка взяла себя в руки, успокоилась без всяких уколов и притихла. Похоже, атаман умел говорить *веско*. По обе стороны Карташа разместили два тела – одно бесчувственное и одно явственно женское. Гриневский и Маша. Прикидываться дальше никакого смысла не имело, Алексей застонал, пошевелился, изображая отходняк и приближая голову поближе к боевой подруге. Спросил шепотом:

– Ты как?

– Потрясающе, – негромко ответила боевая подруга. – Вот только, знаешь ли, надоело малость по пленам-то мотаться…

Донесся незнакомый равнодушный голос:

– Молчать. Плохо будет.

И настолько буднично это было сказано, что как-то не возникло никаких сомнений: обязательно будет и обязательно плохо.

Громыхнул закрываемый задний борт, завелся мотор. Тронулись, наконец. Куда подевались прапорщик и его подчиненные, так и осталось загадкой. Может, сложены штабелем во втором грузовике?..

Ехали молча, покачиваясь из стороны в стороны, изредка взрыкивал движок, преодолевая наиболее крутые склоны. Бойцы из армии черномасочников песен не пели, анекдоты не травили, начальству косточки не перемывали. Сидели тихо, как мыши. Вышколенно сидели, в общем. Считать километры смысла не было никакого – сибирские стежки-дорожки порой столь извилисты и серпантинисты, что протрястись можно несколько часов, хотя по прямой выйдет минут тридцать… вот только кто ж ломанет напрямик, через тайгу-то…

Иголку, полученную от Маши, Карташ, между прочим, не выронил. Сперва сжимал пальцами, потом воткнул в рукав. Идею отомкнуть наручники он не оставлял, но не заниматься же этим на глазах у конвоя! Могут не так понять. Поэтому сперва требовалось повернуться, спрятать руки от посторонних глаз и поработать над замком. А вот что он станет делать, после того как отомкнет наручники, Карташ понятия не имел. Однако ж гораздо лучше строить планы, имея руки несвязанными, не правда ли? Сразу образуется возможностей намного больше прежнего.

Но стоило Карташу чуть пошевелиться, как он незамедлительно получил под дых. Двинули ему деловито, точно, но без всякого садистского удовольствия, лишь по обязанности. Так же и пристрелят его, в случае чего: без пылающих ненавистью взглядов, без прочувствованных прощальных речей, по одной лишь нелегкой обязанности.

– Лежать смирно. Последнее предупреждение, – услышал Карташ. – Потом укол.

Дались им эти уколы. Лепилы, что ли? На поезд напало бандитское подразделение докторов и санитаров?

И ничего другого теперь не оставалось, кроме как думать… Однако все думы баранами упирались в надежно запертые ворота вопросов: кто, куда и зачем? И на все три вопроса выпадал один и тот же ответ: хрен его знает. А был еще вопрос-мастер, который, как золотой ключик, способен отворить потайные дверцы многих предыдущих и последующих вопросов: *почему никого из них не убрали*?

И действительно – почему?

Казалось бы, забирай платину, радуйся редкостного навара улову, тащи его скорее в закрома, а свидетелей – в расход, ну зачем нужна эта обуза?.. Карташу виделось лишь одно объяснение. Тем ребятам, что спланировали и осуществили нападение на поезд, известно кое-что, в общих чертах, о похождениях их бравой троицы. И теперь понадобились подробности. Вряд ли они, заполучив платину, закончат свою деятельность, расползутся, разъедутся по курортам на вечный отдых. Немного поживившись, чуть пополнив стратегический запас, ребятки, скорее всего, продолжат свой совместный трудовой путь, в связи с чем им крайне любопытны всякие разные новые варианты приложения еще более окрепнувших сил. В частности: почему бы им не попробовать сунуться в Туркменистан – с его наркотропами и припахивающим нефтью выходом к Каспию? При такой перспективе туркменские рассказы некоего Карташа со компания придутся как нельзя кстати. Думается, немало всего полезного для себя стратег преступных операций может выкачать из их бедовых головушек про туркменские дела… Да и не только, к слову говоря, про туркменские! Есть за что уцепиться тому стратегу, есть от чего оттолкнуться, выстраивая новую *игру*.

И других причин оставлять их в живых Карташ не видел.

Тогда что у нас получается? А то получается, что после откровенных *бесед* с представителями штаба нападавших (увы, Карташ прекрасно отдавал себе отчет в том, что не будут с ними деликатничать, не будут психологию разводить, сигаретками угощать и кофиями-какавами поить) они все трое станут ну совсем никому не интересны. Как всяким там книжнокиношным вурдалакам сразу становятся неинтересны их жертвы, едва только вурдалаки высосут из них всю кровушку до дна. А ведь информация – та же кровь. Кровь современного мира, как сказал один деятель, правда, по другому поводу. Карташу пришел в голову образ, наглядно и точно иллюстрирующий их нынешнее незавидное положение.

В беззаботные московские годы Алексей частенько поигрывал в компьютерные игры. Причем подобным образом он развлекал себя не где-нибудь еще, а на государственной службе. Что ж поделать, если служба выпала такая! А пребывал он тогда в комиссии по контролю за исполнением наказаний при МВД, и между инспекторскими поездками по регионам делать ему, по совести говоря, было совершенно нечего. Да, конечно, приходилось изображать дело, куда денешься, есть неписаные правила. Между прочим, изображать занятость – это тоже своего рода искусство. Кому-то это здорово удавалось. Были даже искренне восхищавшие Карташа виртуозы, которые целыми днями носились по коридорам в пене и мыле, с высунутыми языками, на все обращения отмахиваясь: «некогда, друг», – и начальство всегда ставило их в пример: «Нечем заняться, говоришь? А ты посмотри на Пупкина, поучись у него, хорошему сотруднику всегда есть чем заняться, если и представлять кого к внеочередному, то его, трудягу Пупкина, а не вас, бездельников». И ведь даже твердо знаешь, что Пупкин ничем не занят, бездельник каких поискать, а посмотришь на его потный лоб, заглянешь в его честные глаза и ведь веришь, веришь ему! Таких людей, пожалуй, и премиями можно награждать за талантливую актерскую работу.

Ну так вот, во всяких компьютерных играх-стрелялках виртуальные герои то и дело оказывались в помещениях, где крутятся агромадные жернова или опускаются-поднимаются чудовищные прессы. Проскочишь между жерновов, да еще когда нельзя застаиваться на одном месте, иначе под тобой проваливается пол, и виртуальный кислород на исходе, – получишь свой маленький приз, доберешься до артефакта или до аптечки с запасом новых жизней. Шаг влево, шаг вправо – и ты размолот жерновом, экран затапливает красный цвет, все начинай сначала. Сейчас они трое оказались точь-в-точь в положении тех компьютерных героев: три маленькие человеческие фигурки среди гигантских, бешено вращающихся жерновов, они вынуждены пробираться между жерновами, которые их перемелют и не подавятся. И пол действительно проваливается под ногами. Только у них по одной жизни на брата, а не по сто, как у героев стрелялок. И вовсе не бесспорный факт, что, избежав жерновов, ты получишь в награду хоть какой-нибудь завалящий артефакт…

Смурные рассуждения были прерваны прибытием на место. Грузовики мягко притормозили, утихли моторы. С шумом отвалился задний борт, и Карташа без особых церемоний, но и без грубости потрясли за плечо:

– Подъем. На выход.

Карташ нетвердо встал за ноги, заботливо придерживаемый под локоть.

– Вперед. Осторожно, переступаем, – руководил невидимый провожатый. – Стоп. Прыгай.

Карташ прыгнул, под ногами зашуршала трава. С головы сорвали мешок, полуденное солнце ослепило на мгновенье.

Выгрузили их на краю небольшой полянки посреди тайги, и почти всю полянку занимал своей тушкой «Ка-26». Вертолет. И именно в этот момент Алексея посетила чертовски тоскливая мысль, которая должна была появиться значительно раньше: что ж это за ребятки,

которые поперли против серьезного ведомства белокурой сволочи? Или уверены, что история с ограблением поезда никогда не всплывет, или…

И вот это второе «или» было жуть насколько неприятным. Как зубная боль.

Молча загрузились в вертолет, молча взлетели, взяв курс на север. Не к Шантарску, и уж тем более не к Москве…

– Один вопрос, – сказал Алексей командиру налетчиков. – Река Потудай. Существует такая на самом деле или нет?

Карташ думал, что получит тычок или «заткнись».

– Ты придурок, да? – участливо спросил атаман.

– Если она все-таки существует, я обязательно побываю на ней. Эт-то я тебе обещаю, – устало проговорил Карташ.

После чего им на головы вновь натянули воняющие табаком мешки.

Глава 4
Волшебник алюминиевого города

Пятнадцатое сентября 200 года,*
17:04.

Предположим, ему бы удалось незаметно скинуть наручники. И дальше что? Незаметно стянуть с головы мешок, мягко говоря, посложнее. Поэтому мешок пришлось бы с головы сдирать, стараясь проделать это с максимальной быстротой. При этом, дабы задумка увенчалась сокрушительным успехом, вертухаи, словно сговорившись, должны были отвернуться и некоторое время потаращиться в другую сторону. Вот тогда Карташ мог бы рассчитывать на то, что вырвет из непутевых конвоирских рук автомат, оглушит одного, вырубит второго, заставит положить оружие на пол третьего, – короче, овладеет ситуацией.

Хотя и припомнился Карташу некий штатовский фильм, где герой на «ура» выпутывается из точь-в-точь такого же положения, и дело там тоже вроде бы происходит в вертолете (киношные охранники, помнится, столбенеют от изумления, когда герой вдруг сказочным образом освобождается от «браслетов», и позволяют разделаться с собой, как со щенками). Однако, чтобы все сложилось так красиво, вертухаи должны быть родом из Голливуда. Ну а эти ребятки, грамотно, без дилетантской суеты взявшие вагон, никак не производят впечатление законченных валенков, у которых отвиснут челюсти и безвольно опустятся руки, если вдруг арестант выкинет некий нежданный фокус.

Поэтому Карташ не стал в вертолете разыгрывать свой единственный козырь. А на руках у него, если прибегнуть к карточной терминологии, после раздачи застряла всего лишь козырная двойка, и более ничего. Коли уж рисковать на мизере, то следовало подождать, когда образуется более подходящий расклад…

Но и дальше ничего подходящего не сложилось. Где-то через час лета вертолет наконец приземлился, пленников выгрузили и пересадили в новый транспорт. Да, путь-дорога выходила длинной. «Теперь не хватает лишь прогулки на катере по рекам и озерам. Или еще лучше – на подлодке. А потом, для полноты картины, следовало бы проехаться в метро или на землеройной машине», – такие вот ироничные мысли посетили Карташа, когда ему велели сперва нагнуться, потом забираться внутрь.

Новым транспортом для Алексея стал автомобиль, оборудованный для перевозки арестованных: салон надвое делит решетчатая перегородка, задние дверцы изнутри хрен откроешь. Но это точно был не милицейский уазик (любимую ментовскую тачку распознаешь и с накрепко завязанными глазами, по одному только запаху распознаешь, не говоря уж про прочие доступные ощущения), тут же *усе осчусчения* (и мотор работает бесшумно, и заду мягко) наводили на мысль об автомобильном изделии импортного производства, о чем-то типа «форда». И где у нас бедные госслужбы на таких гоняют помимо Москвы? Уж не в Сибири точно. Ну а службам частным подобные, привлекающие внимание, машины вроде бы как и вовсе ни к чему Частные службы чего надо в багажниках перевезут или в фургонах.

Следом за Карташем на заднее сиденье забрался кто-то из конвоиров. Так и поехали. Где Маша и Гриневский, оставалось лишь гадать, а в эту машину Карташа определили одного, как кума королю. По этому поводу у Алексея образовалось две версии: или каждому пленнику выделили по автомобилю, заранее подогнав их к вертолетной площадке, или Карташа принимают за главного. А поскольку разобраться в том, какая версия правдива, или неправдивы обе, не представлялось никакой возможности, то Карташ просто ехал себе, куда везли. Правда, разве что, спросил у конвоира, что сидел рядом: «А где остальные?» Так сказать, катнул пробный шар, но в качестве ответа получил лениво процеженное сквозь зубы:

«Без разговоров», – и легкий, профилактического характера тычок в бок. «Ладно, – подумал Карташ, – пока поплаваем по вашему течению, поглядим, куда вынесет».

Минут десять или около того ехали по очень ровной дороге. Последнему обстоятельству Карташ нешуточно удивился: «Это ж где у нас такие автобаны? Чистая Германия, е-мое! Хоть бы раз, хоть бы одним колесом в выбоину угодили, хоть бы тряхануло разок…» Да, чем дальше, тем становилось все страньше и страньше. Машины чудные, дороги нероссийские…

Тачка остановилась, Карташа дернули за рукав: «На выход». Алексей выбрался наружу, его притормозили ладонью: «Стоять, ждать».

«А ведь этот конвоир – определенно военный человек, действующий или бывший, – отметил про себя Карташ. – Уж больно по-военному четок во всем… Странная смесь намешалась. Еще вот и плитка…»

Да, под ногами Карташ чувствовал не асфальт, не песок, не гравий, а чуть выпуклую поверхность… ага, вот и зазор. Да, определенно плитка. Теперь неплохо было бы определить, какой она формы. Алексей провел ребром ботинка, нащупал паз между плитками, провел по нему. Рядом хмыкнул охранник – старания пленника не прошли незамеченными.

«Хмыкай, хмыкай, – со злостью подумал Карташ. – Посмотрел бы я, чтоб *ты* делал на моем месте. Голову готов прозакладывать, что ни хрена б не делал. Стоял бы истуканом, с пустой башкой и поникшими ушами, дожидаясь указаний. Пригодится не пригодится, а что есть, то я и собираю. Может, и херня, а может, именно эта информация как раз и понадобится. Так вот, касаемо плитки. Плитку кладут в центре крупных городов, вроде Шантарска, но *ложут* ее и богатые буратины во дворах своих особняков. На городских улицах кладут плитку прямоугольной формы, видимо, дешевше стоит, а у буржуев, выделывающихся друг перед другом и не жалеющим на это бабок, плитка формы шестиугольной. И тута, то бишь под моими ногами, она тоже шестиугольная. Так что, скорее всего, мы торчим во дворе частного особняка. Может это быть окраиной Шантарска? А почему бы и нет?..»

По характерному электронному писку Карташ догадался, что неподалеку кто-то тычет кнопки телефона. И верно.

– Это я, – услышал Карташ. – Здесь. Да, да… Куда их?

Голос принадлежал тому человечку, что командовал захватом на железной дороге и которого Карташ окрестил про себя «старшой».

Последовала пауза. Старшой выслушивал указания, исходящие, надо так полагать, от еще более старшого в их иерархии. Разумеется, реплики телефонного собеседника Карташ не разобрал.

– Он что, хочет, чтоб прямо туда? – в голосе старшого явственно прозвучало удивление. – Скажи ему…

И осекся. Видимо, ему напомнили, что твое дело исполнять приказы, а не обсуждать их, потому что старшой, тяжело вздохнув, произнес:

– Да, да понятно. Есть. Сейчас доставим.

«Ну, ну, – мысленно отреагировал Карташ. – Опять из серии „страньше и страньше“. Вот еще и доставить нас повелели в некое место, которое поразило нашего бывалого вертухая. Сдается, что нас ждут неслабые сюрпризы и открытия…»

Их повели. Именно «их», а не его одного. Сперва Карташ услышал Машин голос – дочь Хозяина требовала снять с нее «эту сраную тряпку» и сие требование приправляла эпитетами повышенной, так сказать, сочности, особенно прохаживаясь по мужским достоинствам «идиотов к которым ее угораздило попасть». Правда, ничего она в результате не добилась, кроме окриков: «Молчать! Марш вперед!» А когда их повели, Алексей среди шагов признал и пришаркивающую походку Гриневского – Таксист шел прямо за Карташем.

Ввели их в некое помещение. Хлопали многочисленные двери, откуда-то донесся явно телевизионный дикторский бубнеж, что-то там про выборы и Путина. Раздался многоголосый женский смех. «Ага, место обитаемое. На преддверие тюряги смахивает мало, – ввиду отсутствия других занятий Карташ вслушивался в обстановку. – Мало это смахивает и на частный особняк: уж больно много обитателей по нему шастает. Так что же это такое может быть! Л-любопытно…»

А потом стало еще любопытнее. Пленников запустили в дверь, за которой их встретили и вовсе уж необычные звуки, а именно – ритмичные хлесткие удары, предваряемые сильными выдохами. Эти монотонные «тумс, тумс» прекратились, едва пленников остановили, выстроив в ряд.

– А, привел!

Голос показался Карташу смутно знакомым.

– Ты их так в мешках и волок, что ли, через все долины и взгорья? Ну ты даешь! Иногда я с тебя удивляюсь. Любишь воротить секретность где ни попадя. Давай-ка, в общем, снимай с них бурдюки, а то они у тебя стоят, словно висельники.

Наконец-то опостылевший мешок сняли. В нос, привыкший за последние часы к духману мешковины и табака, ударил сильный запах мужского пота и кожи. Оно и неудивительно – «прозрев», Карташ обнаружил, что они находятся в спортзале. Посреди зала возвышался боксерский ринг, откуда доставленных пленников внимательно рассматривал, облокотясь на угловую стойку, человек в боксерских перчатках. За ним рисовался еще один спортсмен, у коего на руках были плоские кожаные краги для отработки ударов. Ну и в самом зале, где по всем углам висели боксерские «груши», хватало народу. В основном лица мужескаго полу, из которых большинство сидело на лавках, трепалось друг с другом и с лицами полу женскаго, кто-то работал с грушами, кто-то тягал штанги и «блины» в дальнем углу зала, кто-то прыгал со скакалкой. Кстати, хватало и дверей, одна из которых была открыта, показывая, что за ней находится тренажерный зал.

– Вот они, значит, какие, герои нации, – сказал, улыбаясь и не жалеючи для этого рта, человек в боксерских перчатках.

Н-да-а… Недаром голос показался Алексею смутно знакомым. Конечно, ожидать приходилось всего чего угодно, однако Карташ искренне и глубоко офонарел, увидев перед собой именно этого *товарища*. Ну вот этот-то хрен тут с какого боку?!

Короче, сего гражданина Карташ знал. А кто его в Шантарской губернии не знает, скажите на милость?! Да и по России мало найдется людей, никогда не слышавших об этом человеке и хотя бы раз не видевших это лицо. Правда, что называется, вживую и уж тем более вблизи лицезреть его доводилось немногим, но вот на общероссийских телеканалах одно время он изрядно помелькал, вечно улыбаясь в камеру так же широко, как сейчас улыбался Карташу с ринга. В этих самых телепортажах его неизменно сопровождал вэвэшный конвой и хвост из журналистов.

Короче, совсем не знают его разве что в глухоманских расейских уголках, где живут столь бедно, что и телевизоры-то есть далеко не у всех, а тем, у кого есть, просто некогда смотреть в голубые экраны: пахать надо, сеять, грибы-ягоды заготавливать, чинить нехитрые орудия труда и ходить за скотиной. «Обитателям тюрем и зон, выходит, он тоже не очень-то известен, – скажет кто-то уверенно, – там тоже не больно-то смотрят телевизоры». Ну вот уж нет! Уж где-где, а по тюрьмам и по зонам этого человека знали распрекрасно. Иш-шо бы не знать! Андрей Зубков был в тех кругах личностью известной. Да и не только в *тех* кругах, как было уже сказано.

Олигарх, де-факто единоличный владелец алюминиевого комбината, совладелец чертовой кучи фирм и ширмочек… то есть, пардон за описку, фирмочек, в середины девяностых – кумир сибирской молодежи, затмевавший по популярности в подростковой среде

даже борца-вольника Карелина, поскольку поднялся из самой настоящей грязи (из каких-то беспросветных бараков в поселке бывших ссыльнопоселенцев, из какой-то несусветной нищеты) в самые настоящие князи, полностью сделал себя сам, – разумеется, к своему княжению взбираясь по трупам, пройдя через несколько криминальных войн за передел, пережив уйму покушений, в которых ему просто мистически фартило, отделывался лишь синяками и царапинами… и прочая, прочая, прочая. Он мог бы вырасти в олигарха уровня Абрамовича и Дерипаски. Мог бы… но ему вовремя подрезали крылья. Или не вовремя? Без малого пять лет Зубков провел в тюряге, причем содержали его в одном из следственных изоляторов Москвы, подальше от Шантарской губернии, где законодательная и исполнительная власти к тому времени были основательно нафаршированы Зубковскими алюминиевыми денежками. Посадили же Андрея Валерьевича не за уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах (хотя, ясное дело, уклонялся, и как раз в особо крупных), не за карманную кражонку (что было бы в стиле воров в законе пятидесятых-семидесятых годов, где-то раз в пять лет, как велел воровской закон, обязательно садившихся по несерьезным статьям)… Нет. Сидел Зубков за подготовку покушения на губернатора Камчатки. Готовил он его на самом деле или нет, зачем ему понадобился этот губернатор, чем не угодил – сие так и осталось тайной. Но разбирающиеся в подводных течениях люди сходились на том, что, даже если б никакой подготовки к покушению в реальности не было, покушение обязательно придумали бы. Потому как – зарвался парень. Не по чину стал брать и роток начал разевать не по куску. Ну и когда Зубков всерьез засобирался в большую политику, его перехватили по пути, накрыв этой подготовкой к покушению, как бабочку сачком.

В конечном счете, то есть спустя пяток годков, дело о покушении развалилось за недоказанностью, но за те пяток годков зарвавшемуся сибирскому нуворишу московские хозяева указали на место за общим столом, рылом потыкали и вразумили: вот твое корыто, склепанное из алюминия, хлебай из него, удовлетворенно похрюкивая, а отходить от него ни на копыто не моги, иначе пятком годков уже не отделаисси. Какую уж науку вынес гражданин Зубков из сего вразумления, осталось для широких масс неизвестным, но после *«выписки»* олигарх ушел в тень. Наверное, прошерстив подшивки всех газет и прочесав Интернет, можно отыскать какую-нибудь не великой сенсационности информашку касательно дел Зубкова за последний год. Но Карташ не интересовался судьбой алюминиевого магната, потому и понятия не имел, как и где тот проводил время, покинув гостеприимную Москву.

И вот сейчас сей олигарх сибирского значения разглядывал с ринга Карташа и компанию, похлопывая перчаткой о перчатку. Ну да, помнится, он любитель бокса, плотно занимался им в детстве-юношестве, о чем вспоминал в каждом интервью. В тех же самых интервью собиравшийся в политику Зубков непременно разглагольствовал о том, что он стеной стоит за здоровье, он против, чтоб дети пили и курили, он горой за бокс и за прочие олимпийские виды спорта, – чем покупал сердца сибирских матерей и отцов: ведь не в наркоманы и не в алкоголики зовет, не на дурное ж дело кличет. А что до того, что Зубков пробивался наверх, к алюминиевым акциям и прочим достояниям, не через чистенькие офисы и биржи, а самым что ни на есть грязным, криминальным путем (сколотил бригаду в городе N-ск, быстро подмял под себя N-ск, возглавил приход окрепших молодых волков в Шантарск, там начал забираться выше и выше по бандитской лестнице, пополняя шантарские кладбища молодыми покойниками, выиграл войну за алюминий), так в Сибири, где каждый второй сам сидел, а у каждого первого обязательно сидел кто-то из родни, так вот там к неладам с законом всегда относились иначе, чем в остальной России. Снисходительнее относились. Разбойнику многое простится, если он будет выглядеть в народных глазах героем, а не мямлей, неврастеником или, того хуже, законченным психом. Понятное дело, Зубков, выросший в этих краях, прекрасно знал образ мыслей своих земляков и работал на него.

Итак, Андрей Валерьевич Зубков продолжал рассматривать приведенных под его олигархические очи пленников, пленники рассматривали Зубкова, окружение олигарха ждало, когда Папа соизволит насчет чего-нибудь распорядиться, но тот пока не распоряжался. А оставленные в покое боксерские «груши» все еще покачивались в разных углах спортзала.

Карташ и Маша переглянулись. Маша скроила гримасу, которую можно было перевести как «ничего себе пенки!». Значит, девочка тоже признала, к кому они попали.

– И кто у нас москвич? – Зубков прервал наконец игру в «гляделки». – Погоди, Дед, не подсказывай, сам догадаюсь.

Подсказать хотел доставивший пленников к олигарху старшой.

– Ты, чернявый, москвич! Падлой буду, ты!

Зубков вытянул руку в перчатке в сторону Карташа.

– Ну я, – вяло согласился Карташ. Просто не увидел большого смысла скрывать московскую прописку и канать под местного. Ради чего, ради какой, спрашивается, великой стратегии скрывать?..

– Из самой Москвы?

«Блин, как меня достали этим вопросом, если б ты знал, Зубков! – подумал Карташ. – Где бы на вопрос: „Откуда ты?“ – не сознаешься: мол, „москвич я“, – сразу выдают вопрос нумер два: „Из самой или не из самой?“ – или, как вариант: „Коренной москвич или не коренной?“ Никогда не мог понять, почему эта херня так важна для провинции…»

Но Алексей оставил размышлизмы при себе, а ответил предельно просто:

– Из самой.

– Иди ты! – притворно изумился алюминиевый магнат. – Неужто в Москве людей по-другому делать научились? Не из говна их, что ли, теперь лепят?

Зубков хохотнул, и народ в спортзале хохотом поддержал своего хозяина.

– Ну, полным хлюпиком не выглядишь. И если все, что мне о тебе, москвич, наболтали верно… – Зубков хитро прищурился, было ясно, что у него вызревает какая-то остроумная мыслишка. – Побоксировать не желаешь, москвич?

«Бред какой-то, ну форменная шизня, – с тоской подумал Алексей. – Впору ущипнуть себя, а то вдруг и вправду сплю. Больно уж крепчает фантасмагория. Поезд, нападение в традициях вестерна, полеты с пересадками, в завершение появляется владелец алюминиевого комбината, который берет меня на слабо. Наверное, полагая, что мне сейчас больше всего остального хочется именно что боксировать, просто сгораю, мать твою, от нетерпения побоксировать…»

– Почему бы и нет. Можно и побоксировать…

Глава 5
«Бокс – не драка, это спорт отважных и тэ дэ…»

Пятнадцатое сентября 200 года,*
18:37.

Вот что сказал Карташ. Сказал таким тоном, будто его не приволокли сюда с мешком на голове, а шел он мимо, маясь от безделья, зашел и, слава те господи, наконец напал на искомую развлекуху.

– Тогда двигай сюда, столичник! – позвал Зубков. – Жду. Эй, там, на палубе, минералку швырните!

Карташ еще раз переглянулся с Машей и едва заметно пожал плечами: мол, ни хрена не понимаю, плыву по течению. Потом пошел в сторону ринга, сопровождаемый одним из конвоиров в камуфляже. Конвоир снял наручники возле ринга, хмуро распорядился:

– Прохаря скидавай.

Карташ сбросил ботинки, остался в носках. После чего пятнистый конвоир еще раз учинил Карташу легкий досмотр, пробежал ладонями от щиколоток до подмышек и, оставшись довольным, хлопнул по спине:

– Пошел наверх.

Раздвинув канаты, Алексей забрался в ринг. Олигарх поливал себе на голову из пластиковой бутыли. Выкинув опустевшую тару за канаты, Зубков принялся распоряжаться:

– Поп, посудишь нас. Гоша, посекундируй москвичу. Хамид, будешь сечь время и бумкать в гонг. Шлем нужен, москвич?

– Обойдусь, – сказал Карташ, стаскивая куртку-ветровку и оставаясь в камуфляжных штанцах и тельнике.

А Зубков для занятий боксом, между прочим, вырядился в футболку старосоветского образца с буквами «ЦДКА» на груди и с белыми веревочными завязками. Карташ попытался вспомнить, когда же ЦДКА переименовали в ЦСКА, но даже приблизительно не вспомнил. Кажется, еще при Сталине. Но майка явно была новенькой, просто скроена по моде тех, *ранешних*, лет. И штанцы из той же серии «ретро-классика», вызывавшие на память персонажей вроде Антона Кандидова из фильма «Вратарь» и песню «Эй вратарь, готовься к бою, часовым ты поставлен у ворот». Что ж, вот такая блажь пришла в голову олигарха, бывает. Ну, ему, понятное дело, тут же и пошили чего возжелал.

Глядя на это костюмерное чудо, Карташ припомнил еще один предвыборный пунктик олигарха, с которым тот искал расположения в простом народе, – квасной патриотизм, показушная любовь ко всему отечественному. Видимо, тут больше, чем игра и чем плакатные призывы поддержать отечественного производителя. Похоже, тут попахивает легким бзиком…

Выделенный Карташу секундант по имени Гоша помог подопечному вдеть руки в перчатки, помог со шнуровкой, вытащил из кармана и новенькую, в целлофановой обертке капу, сорвал целлофан и поднес ко рту Карташа. Гоша этот мог бы, минуя отбор (или, выражаясь по-модному, кастинг), пристроиться ведущим актером в триллер про маньяков, в что-нибудь типа «Сокрушителя черепов» или «Бездушного костолома». Низкий лоб, вдавленный в ряху нос, мощная коренастая фигура, кулаки-кувалдометры, преданные и тупые глаза. Бультерьер. Но таких любят держать при себе в качестве слуг всяки-разны господа – подобный гоблин не способен на мудреные предательские интриги, все его нехитрые мыслишки проступают на харе лица, как фотоснимок в химическом растворе. Если чего гнилое удумает, подлец, – видно будет сразу.

Копируя героев профессиональных боксерских поединков, Зубков нетерпеливо гарцевал в противоположном от Карташа углу, нанося удары по воздуху. Стоит отдать должное олигарху – в отличие от многих своих коллег по первой купеческой гильдии, этот находился в отличной физической форме. Жирком нимало не заплыл, подвижен, легок. Высокий, жилистый, с длинными руками, с эластичными мускулами – между прочим, такую комплекцию всегда уважали в сборной Кубы, уж много лет успешно выступающей на любительском ринге, там во всех, какую ни возьми, весовых категориях и по сей день преобладают спортсмены подобного телосложения. «Кстати, по поводу весовых категорий. Они у нас с тобой, друг, примерно одинаковые, – подумал Карташ. – Даже, наверное, я малость потяжелее».

– Поп, у нас должно быть все как у людей, – обратился Зубков к человеку, находившемуся в ринге и только что скинувшему плоские краги для отработки ударов. – Ты – рефери, поэтому с тебя последние наставления. Так положено.

Названный Попом пожал плечами – мол, как угодно, – вышел на середину ринга, жестом подозвал к себе соперников:

– Боксировать без грязи. Ниже пояса не бить, открытой перчаткой не бить, голову низко не наклонять, опасных движений головой не делать… Вперед, парни.

– Незаменимый ты человек, Поп, – усмехнулся Зубков. – Все можешь, все знаешь…

Алюминиевый король вытянул вперед правую перчатку – для ритуального касания. Значица, товарищ олигарх решил скрупулезно блюсти боксерский ритуал. Ладно. И Карташ стукнул перчаткой о перчатку. А вдобавок Алексей сделал себе заметочку в мысленном блокноте по поводу этого самого Попа. Любопытная фигура. Явно, что не рядовая шестерка, скорее, валет при короле. И еще: просится в сей блокнот махонькая такая пометочка – в последней фразе Зубкова сквозила странная полемическая интонация, будто это не что иное, как составная часть вечного диалога. А раз есть спор, значит, все-таки барин-олигарх прислушивается к мнению своего подчиненного. Опять же, Карташ не знал, для чего ему могут понадобиться эти наблюдения. Просто откладывал их про запас, словно белка, которая зарывает про запас в землю грибы и орехи.

– Двенадцать раундов? – спросил Карташ, закусывая капу.

– У нас же с тобой не бой за звание чемпиёна мира. У нас с тобой всего лишь простой рейтинговый бой. Поэтому достаточно семи, – вполне серьезно заявил Зубков. И крикнул: – Эй, там, на нижнем ярусе, Хамид! Долго еще ждать гонга?!

Тут же прозвучал гонг. Зубков принял левостороннюю стойку и двинулся к противнику. Карташ последовал примеру Зубкова, скопировал его стойку, поскольку тоже левшой не являлся. Но, в отличие от олигарха, остался на месте, поджидая противника.

И дождался.

Зубков провел в общем-то простенькую, но эффективную двухходовку – в корпус и в голову. Карташ чисто рефлекторно блокировал локтем выпад в корпус, а вот удар в голову пропустил. Как-то не проникся еще Алексей внезапно свалившейся на него необходимостью упражняться в боксе. Может, оттого, что жизни на кону не стояли. Всего лишь развлекуха, вроде бы так…

Пропущенный удар в голову оказался несильным, с ног не сбил, лишь доставил неприятные ощущения, в частности, зазудела верхняя губа. «Как пить дать распухнет», – подумал Карташ.

– Бокс – это в первую очередь голова, приятель, – наставительно проговорил Зубков, отступив на шаг и опустив руки. – Во вторую очередь – ноги. И уж потом кулаки. Усвоишь это, москвич, тогда из тебя, глядишь, и выйдет Костя Цзю.

– У меня другие планы на жизнь, – сказал Карташ, удерживая зубами капу, чтобы та не вылетела изо рта.

– О, у тебя есть еще какие-то собственные планы? Ну, ну… – усмехнулся Зубков, который и вовсе обходился без капы, выдерживая некий спортсменовский шик, мол, мне любая травма по лампаде, ради этих сомнительных понтов в свое время канадские хоккеисты играли без шлемов, а некоторые футболисты и сегодня играют без щитков и с опущенными гетрами.

Видимо, чтобы внести некоторые коррективы в жизненные планы Карташа, олигарх снова принял стойку и мелким шагом двинулся вперед, совершая корпусом уклоны влево-вправо. Однако пропущенный удар встряхнул Карташа, настроил на борьбу, и теперь он держал дистанцию под контролем. Правда, Алексей все еще не мог избавиться от ощущения, что принимает участие в неком идиотском балагане.

Зубков тем временем начал методично долбить Карташа фехтовальными выпадами неударной, левой руки (Алексей вспомнил, что подобные удары на боксерском наречии зовутся «джебами»). Карташ уворачивался, подставлял под удары перчатки и локти.

Так они и кружили по рингу. Джебы Зубкова нет-нет да и достигали цели. Большого урона не наносили, но, ежели бы у них шел натуральный профессиональный бой, то зачетные очки у судей боксер Зубков набирал бы исправно. Карташ разок попробовал ответить, но олигарх ловко ушел от выпада и тут же нанес быстрый встречный удар, который пришелся в плечо… и плечо враз отяжелело. Больше Карташ не атаковал, опасаясь нарваться на контрвыпад. И вдруг почувствовал теплую струйку, стекающую на верхнюю губу.

– Слабый нос, – прокомментировал Зубков. – Ай-ай, с таким носом тяжело придется в профессиональном боксе.

Карташ ощутил, как в нем закипает злость. Злость на этого фигляра, на самого себя, на всю цепочку постигших их неудач, постигших тогда, когда казалось, что все сложилось, все удалось, что они прорвались сквозь все засады и заслоны и дальше их ждет отдых, только отдых под пальмами, возле океанов, в шезлонгах, с коктейлями в загорелых руках. Их подстрелили на взлете, посыпались неудачи, и посыпались в полном согласии с неустаревающими народными мудростями: «Беда не приходит одна», «Пришла беда – открывай ворота». И вот они остались без платины, без чьего-либо покровительства, без будущего, зато оказались в полной власти пресыщенного развлечениями богатого буратины, сумасбродствам которого вынуждены потакать. Как говорится, здравствуй, жопа, Новый год…

– А печень прикрывать не надо! – вдруг выпалил Зубков и всадил справа в неприкрытый корпус Карташа увесистый полукрюк.

– Йо-о! – Алексея согнуло от острой боли в правом боку. Казалось, печень разорвало изнутри и осколки свинцовой шрапнелью разлетаются, кроша внутренности на своем пути. Карташа согнуло пополам, но на пол он не упал, повис на канатах. «Мухаммед Али, бляха, не охнуть, ни вздохнуть, ни пошевелиться».

Откуда-то сверху звучал самодовольный голос Зубкова:

– Это только далекие от бокса люди полагают, что самый чувствительный удар – в голову. А ты, москвич, сейчас на себе прочувствовал, каково получить в печень. Самый болезненный удар в боксе – в незащищенную печень.

Между прочим, доморощенный рефери по прозвищу Поп мог бы открывать счет, нокдаун был налицо, но отчего-то не спешил. Думается, не ввиду своей судейской неопытности. Думается, он дожидается сигнала от своего хозяина, а сигнала все нет. «Может, закончить эту клоунаду, прикинувшись нокаутированным?» Но что-то подсказало Карташу, что этого делать не стоит, а стоит, наоборот, подняться. Тем более, его, что называется, отпустило, острый приступ боли прошел, можно попытаться распрямиться, попробовать вновь утвердиться на ногах…

Карташ распрямился, оторвал себя от канатов, принял кое-как боксерскую стойку. Он снова оказался лицом к лицу с Зубковым.

Противника, который не оправился от потрясения, на профессиональном ринге принято додавливать, добивать. Однако Зубков заканчивать бой явно не торопился – его высококупечество еще не наразвлекался. Зубков дал Карташу время продышаться, изображая ложные выпады. А вскоре и прозвучал гонг, знаменующий конец первого раунда.

Действительно, алюминиевый олигарх решил скрупулезно соблюдать весь ритуал боксерского поединка. Секундант Гоша выставил в угол ринга табурет, на который рухнул Карташ, и, как положено, принялся обмахивать подопечного полотенцем.

Алексей закрыл глаза. Под веками на темном фоне взрывались радужные всполохи и раскачивался колокол. Под монотонные «бум-бум» Карташу пришла на ум фраза: «Остап играл в шахматы второй раз в жизни». А Алексей Карташ боксировал впервые в жизни и, честно говоря, большого удовольствия не получал.

– Гоша, не забывай, что ты секундант! – услышал Карташ порядком уже опротивевший голос олигарха. – Ты должен давать указания на раунд, должен накачивать боксера.

Гоша тяжело вздохнул, но ничего не попишешь, приказ пахана – закон, и он, наклонившись к уху Карташа, забубнил:

– Короче, это. Слышь, боец. Ты не ссы его. Он тебе тоже не Майк Тайсон. У него дыхалка не очень, понял? Проведешь длинную серию, он может и не выстоять, понял?

Какой-то там Хамид отбил в гонг начало второго раунда. Минута пролетела для Алексея быстрее мига. Только закрыл глаза – и вот уже подымайся.

Второй раунд начался неожиданно. Боксеры, покинув каждый свой угол, не рванули друг к другу в нетерпеливом ожесточении. Господин Зубков вообще направился не к центру, а пошел краем ринга. Сделал пару шагов, остановился, прислонившись спиной к канатам, положив локти на верхний. Вперился взглядом в Карташа, покачиваясь на канатах. Алексей тоже не стремился поскорее сойтись с гражданином олигархом в жестокой рукопашной.

– Ненавижу вашу московскую породу, – вдруг сказал Зубков, пепеля Карташа взглядом. И с чувством выдал: – С-суки жирные!

Он оторвался от канатов, вытянул руку в перчатке в сторону:

– Вот погляди на этих парней, москвич, – Зубков ударил себя перчаткой в грудь, – погляди на меня. По вашим столичным понятиям, мы – не что иное, как быдло, коровьи лепешки, дерьмо на лакированных ботинках. Какое, на хрен, будущее нам светило! Все парни, которых ты здесь видишь, родились в сраных городишках, половина из них и батек-то своих не знает, у другой половины батьки спились на глазах. Нищета, вонь, мордобой, вечный недоед, никто из нас в детстве не хавал от пуза. Пределом жизненных фантазий представлялась собственная лайба марки «жигули». По вашим, столичник, сучьим понятиям мы должны были горбатиться на заводах, окисляя легкие и пополняя закрома ваших московских хорей и хомяков. А в сорок лет должны были сыграть в дешевый гроб, к этому времени проспиртовавшись насквозь, оставшись без зубов и не оставив детям ни копья на сберкнижке… Нет, вру, был у нас еще вариантец: притащиться к вам в столичку, наняться в прислугу, шестерить на вас, убирать за вас дерьмо. Но мы, кого ты здесь видишь, мы *выгрызли* свое право. И теперь половина вашей Москвы позавидовала бы жизни конкретно этих парней. Еще четверть позавидовала бы тем, кто работает на меня, на моих заводах и в моем городе… Но мы додавим и последнюю четверть, что купается в бабках. Она еще станет жалеть, что родилась в Москве, а не в Мухосранских и Урюпинских.

– Андрей Валерьевич, – произнес доморощенный рефери с легким оттенком укоризны. Похоже, тем самым он давал понять хозяину, что тот говорит лишнее.

– Остынь, Поп, – отмахнулся от него Зубков. И ухмыльнулся. – Один раз меня не пустили в стольный град, типа – рылом не вышел. Но мы еще придем туда, верно, парни? И я не завидую тем, кто встанет на нашем пути.

На классический боксерский поединок сие походило мало, в нормальном поединке зрители уже вовсю захлебывались бы презрительным свистом, рефери без конца подгонял бы соперников: «Бокс, бокс! Коммон, бойз!», – секунданты исходили бы слюной: «Драться, драться, забыл, зачем здесь?!», – промоутеры подсчитывали будущие убытки. Но Зубкова мало интересовало мнение нынешней публики и секундантов. Ему приспичило поговорить, и он говорил:

– Хлюпики вы все, москвич. Дело не в мышцах, встречал я столичников и крупных, как шкафы, и накачанных на станках, а все равно – как один хлюпики. Ткнешь пальцем, и лопаются, что твой пузырь из мыла. И случись до серьезного дела, я только одними своими хлопцами возьму вашу столицу. Потому что солдаты, которыми вы станете загораживаться, они ж все тоже из глубинки, столичники в армию не ходят, откупаются или косят. Поэтому срочники с радостью станут давить зажравшихся москалей…

«Угораздило меня родиться в первопрестольной, – тоскливо подумал Карташ. – Теперь отдувайся за происхождение. Нет чтобы родиться в Питере. Сейчас говорили бы без надрыва. И вообще, по нынешним временам модно быть рожденным в Питере…»

– Ну, что скажешь, москвич? – оторвал Алексея от дум вопрос Зубкова. Олигарх по своему обыкновению улыбался.

Карташ пожал плечами, утер кровь с губы.

– А надо чего-то говорить? Ну, раз так хочешь… Ты ж при Союзе родился, в Прибалтике, значит, бывал. Или в Татарии…

– При чем тут татары? – перебил Зубков.

– А при том, что и прибалты, и татары, или, допустим, гуцулы всегда жили *нормально*. Что при старом режиме, что при новом. Не доводили себя и своих детей до нищеты и убожества. Пока вы тут водку жрали, в грязи валялись и скулили по поводу проклятых москалей, которые-де житья не дают, обдирают нас как липку, они обустраивали свою маленькую частную жизнь как могли. Обували-одевали, поднимали детей, помогали родне. Так может, в себе лучше покопаться, а не винить во всех грехах зажравшуюся Москву?

Карташ замолчал. Молчал и Зубков, разумеется, улыбаясь. Похоже, не улыбаться он не умел.

– Эй, Хамид! – крикнул олигарх. – Заснул там, что ли! Где гонг!

Незамедлительно последовал удар в гонг. «Ну вот и прошел второй раунд, – констатировал Карташ. – Прошел, надо признаться, своеобразно».

– Бумкай еще раз, Хамид! – скомандовал Зубков. – Мы с москвичом проговорили и весь перерыв. Третий раунд!

Вместе с ударом гонга Зубков, не переставая лыбиться, двинулся к Карташу.

Алексей ощущал в себе разительные перемены по сравнению с самим собою в начале боя. Он завелся. Если до этого неунывающий алюминиевый весельчак его просто раздражал, то теперь Карташ испытывал к нему нешуточную злость. «С-сука, игрушку нашел! Кеглю, мячик! Развлекух ему, падле, мало!» Нет, наверное, ничего *мерзее*, чем ощутить себя игральной картой-«двойкой» в чьих-то руках: захочет – сбросит с рук, захочет – покроет козырем или вовсе сожжет на свече. И Карташу дико захотелось расквасить эту лыбящуюся физиономию. Ему вдруг припомнилась слышанная в каком-то телерепортаже боксерская поговорка: «Каждый панчер имеет свой шанс», что в переводе на человеческий означает – исход поединка может решить один удар. Черт с ним, пусть не решить исход поединка в свою пользу, но хотя бы вмазать от души, хотя бы разок, чтоб юшка хлынула…

Карташ броском сократил дистанцию, безоглядно вклинился в ближний бой и па-ашел молотить кулаками. Алексей лупил без всякой боксерской правильности, лупил отчаянно, размашисто, от души, в технике «как получится, так и получится», лишь бы влепить посильнее и поточнее… С поточнее выходило не очень. Половина ударов шла мимо цели – Зубков

уклонялся, уходил, нырял. Другая половина вроде попадала в цель, но пропадала без пользы, поскольку была блокирована перчатками и локтями.

Алексей понимал, что силенок надолго не хватит. Серия выматывала, особенно выматывали удары, в которые он вкладывал весь вес, а те удары летели в пустоту и за ними проваливалось все тело. Сознавая, что выдохся, Алексей вошел в клинч.

Карташ разобрал, что не только он тяжело дышит. Защита отразилась и на дыхалке Зубкова. Верно, правду изрек секундант Гоша – не больно-то сильна дыхалка у магната.

Сцепку боксеров разорвал рефери, клином вонзив руки между поединщиками.

– Разошлись! Бокс!

Разошлись, оступили на шаг друг от друга.

– Неплохо, москвич, – сказал Зубков, продолжая улыбаться. – Хотя…

И вот тут-то Карташ поймал алюминиевого спортсмена. А не хрен болтать на дистанции вытянутой руки. Отойди подальше – там и болтай. Это ринг, а не застолье. Карташ залепил в подбородок Зубкова правый прямой, вложив в удар все, что смог. Не будь Карташ измотан своей предыдущей серией бестолковых атак, ему, может, даже удалось бы сбить противника с ног. Но и так неплохо получилось. Голову олигарха откинуло назад, брызнули в стороны капли пота, похожие на сочные виноградины, руки нелепо дернулись. В явном потрясении Зубков отскочил к канатам и плотно прикрыл себя защитной стойкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.